

О ПОДДЕЛКЕ ИТАЛЬЯНСКИХ АВТОГРАФОВ ¹

Разыскание автографов есть дело, приносящее величайшую пользу науке, и в то же время — привлекательная страсть, проникающая все глубже и глубже в просвещенные слои современного общества. Обилие каталогов и распродаж, множество статей и факсимиле всякого рода, публикуемых в журналах и книгах, служат достаточным подтверждением высказываемого нами мнения. Подобный факт может лишь радовать тех, кто этим интересуется, поскольку разыскание автографов, по необходимости связанное с тщательной проверкой подлинности документов, проливает живой и правдивый свет на людей и исторические события. К несчастью, страсть к автографам, как, впрочем, и всякие другие присущие коллекционерам страсти, дала место и злоупотреблениям, иными словами, имитациям и фабрикациям автографов. Известно, что по этому вопросу существует обширная литература, но нередко подворачивается такой случай, когда она, по-видимому, не в состоянии предоставить нам требуемые сведения. Вот почему я и обращаюсь посредством этого письма к ученым и любителям с просьбой предоставить мне, ежели возможно, разъяснения относительно некоего особого случая. Впрочем, думается, что это обсуждение имеет интерес и более общий и затрагивает едва ли не всех любителей.

Известно, что Италия — классическая страна сокровищ искусства, а также всяческого рода подделок.² Нет ничего удивительного в том, что там подделывают также и автографы и, как мне привелось убедиться в этом, в широком масштабе, но хотелось бы получить какие-нибудь разъяснения о подделывателе, ныне, быть может, уже покойном, поскольку все подделки, которые я считаю возможным приписать ему, появились на свет по крайней мере лет двадцать-тридцать тому назад.

Преисполнившись особым интересом к листкам с автографами, относящимся к итальянскому XV веку, я довольно скоро напал на некоторые документы сомнительного характера. Тогда-то, дабы проверить свои подозрения, я и занялся поисками документов несомненно подложных. И какова же была моя радость, когда один антиквар подарил мне три письма-автографа с пометкой «подложный

¹ *Likhatsheff N. de. De la contrefaçon des autographes italiens // L'Amateur d'autographes: Revue rétrospective et contemporaine / Publ. sous la direction de Noël Charavay. Paris, 35e Année. Nouv. sér. 1902. N 4. 15 IV. P. 76—79.* — Статье предпослано уведомление от редакции: «Мы получили от г. Лихачева, члена Российской императорской археологической комиссии, нижеследующую заметку, на которую и призываем обратить внимание наших подписчиков и читателей». Статья на русском языке не печаталась, история ее публикации изложена в послесловии (пер. с фр. яз., примеч. и послесл. Л. Г. Климанова).

² Массимо Ферретти, современный историк искусства, назвал Италию *terra de falsari*. См.: *Ferretti M. Falsi e tradizione artistica // Storia dell'arte italiana. Torino, 1981. Pt. 3. Vol. 3. P. 163.*

документ».³ Эти три письма оказались написанными именно той рукой, которую я уже заподозрил.

Мало-помалу я убедился, что некий неизвестный, «одаренный превосходнейшей способностью к письму», сосредоточил все свое пристальное внимание на итальянских письмах второй половины XV и начала XVI века и что именно он пустил в обращение всю серию более или менее удавшихся подражаний. Подражания, сработанные грубо, опознать было нетрудно, едва на них взглянув, но вот те, которые были копиями с оригиналов, можно было признать за подделки только после более или менее тщательного рассмотрения — тогда-то и проглядывают в словах те кропотливо выписанные и очень характерные незначительные особенности, которые и выдают присущую руке поддельвателя каллиграфию. Несколько раз уже заходила речь о поддельных письмах Рафаэля. Вполне вероятно, что они являются частью той самой серии, которую я имел возможность подвергнуть рассмотрению, ибо у меня сложилось вполне определенное впечатление, что поддельватель долго изучал почерк великого живописца.⁴

Довольно часто поддельватель использовал маленькие листочки бумаги, стараясь подбирать их таким образом, чтобы они были без разоблачительной филигрании, а дабы избежать возможных ошибок в сгибе документа и способе запечатывания деловых писем, он предпочитал помещать его в рамку из толстой белой бумаги XVIII века.⁵ Хотел ли он подобным образом заставить поверить, будто автографы давно уже были наклеены и вставлены в рамку? Поддельватель также пытался подделывать и печати. Принимая во внимание, что почерк не всегда служит достоверным признаком подложности (ведь очень многие писали письма, подписанные «вовсе без воспроизведения собственноручной подписи» — una littera cancelleresca), печать и бумага играют основную роль в определении подделок. Подделывать печать, особенно накладную, — дело очень трудное, а в том, что касается бумаги, поддельватель сталкивается с двумя

---

³ Эти три документа находятся в западноевропейской секции Архива ЛОИИ СССР АН СССР, в котором ныне хранится коллекция рукописей, собранная Н. П. Лихачевым. На обороте каждого — чернильный штамп венской антикварной фирмы Gilhofer и Ranschburg и запись: Pièce fausse cédée à M. le Prof. Likhatschew par Vienne le 30/8 901, — возможно, принадлежащая руке д-ра Шварца (см. послесл.). Подробнее о каждом из трех писем Н. П. Лихачев говорит ниже (см. также примеч. 9—11).

⁴ В коллекции Н. П. Лихачева среди выделенных в отдельный картон подделок есть и контракт 1516 г. с подписью Рафаэля (Архив ЛОИИ СССР, западноевроп. секц. (далее — з. е. с.), кол. 41, карт. 637, ед. хр. 4).

⁵ Так оформлены три вышеупомянутых письма, а также поддельное письмо Поджо Браччолини к Леонардо Аретино, приобретенное, видимо, отдельно и не имеющее никаких штампов и помет антикваров (Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 3, карт. 2, ед. хр. 83. — Письмо учтено в кн.: От Данте до Тассо: Каталог писем и сочинений итальянских гуманистов в собрании ЛОИИ СССР АН СССР / Под ред. В. И. Рутенбурга, сост. Л. Г. Катушкина. Л., 1972. № 166), и письмо Лоренцо Медичи к Анджелино де Гамбалони (Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 1, карт. 31, ед. хр. 15). На обложке дела есть запись рукой Н. П. Лихачева: «Сомпеваюсь».

затруднениями: прежде всего ему нелегко узнать, какой именно сорт бумаги употребляли в ту или иную эпоху (столь мало пока изучена история бумаги), а затем — и ему это было известно — трудно раздобыть все необходимые образчики и притом в удовлетворительном количестве.⁶

Сводя воедино известные сведения, мне и удалось установить подложность двух писем. Первое, датированное XV веком, правильно составленное и написанное устойчивым и красивым почерком на бумаге того времени, я заподозрил из-за того способа, которым оно было запечатано, ибо он стал употребляться только в XVII веке.⁷ Второе из двух писем, исключительно интересное по содержанию и имени того, к кому оно обращено, было написано на бумаге, изготовленной за сто лет до указанной в письме даты.⁸

Поддельные письма XV века из той серии, о которой я веду речь, адресованы или приписаны носителям великих имен Италии. Так, сейчас передо мной письмо папы Николая V в бытность его еще кардиналом, написанное в Монтепульчано VI. Kal. Nov. M.CCCC. XLIII и обращенное к Humanissimo viro & domino meo Bartholomeo Facio Genuensi;⁹ другое — Поджо Браччолини, обращенное к Леонардо Аретино и датированное Bononiæ, IV idus Aprilis;¹⁰ третье — Помпоню Лето, датированное Rome, V. Kal. Junius и обращенное к doctissimo viro ac domino meo Angelo Politiano. Florentiæ.¹¹ Эти три письма написаны разными чернилами и различными почерками, но способ подделывания тем не менее выдает одного и того же поддельвателя. Я видел подложные письма в том же роде, приписанные членам семьи Медичи, и сам владею одним письмом Анджело

⁶ Это было значительно труднее в Италии, чем в Голландии, Германии и Австрии, где до самой первой мировой войны сохранялось несколько старинных действующих бумажных мельниц, производивших старинным способом и из добротного материала тряпичную бумагу, имевшую такую же окраску и строение, как бумага предшествующих веков (*Edel P. Fälscher Künste. Leipzig, 1909. S. 150*).

⁷ Нам не удалось отождествить, пользуясь этим описанием, ни одно из итальянских писем, хранящихся в лихачевских картонах, но так же запечатано и письмо Джованни де Медичи к Пьеро Аретино, датированное Фано 3 августа 1524 г. На его обороте есть чернильная помета Н. П. Лихачева: «Подделка. Н. Л.», и на обложке дела его же пометы: «Подделка» и «Сомневаюсь!», — сделанные, видимо, в разное время (Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 41, карт. 637, ед. хр. 5).

⁸ Применительно к этому описанию также не удалось отождествить ни одного определенного письма, но и письмо Дж. де Медичи, и контракт с подписью Рафаэля написаны на бумаге с филигранью «кинжал», дающей основания отнести ее к производству флорентийской мельницы 30—40-х гг. предшествующего столетия (*Briquet C. Les filigranes. Leipzig, 1923. T. 2. № 5130*), что в сочетании с палеографическими и сфрагистическими наблюдениями позволило Н. П. Лихачеву решительно отнести оба письма к подделкам.

⁹ Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 1, карт. 25, ед. хр. 1 (От Данте до Тассо. № 216). — См. также выше, примеч. 3.

¹⁰ Там же, кол. 3, карт. 2, ед. хр. 84 (От Данте до Тассо. № 165) — См. также выше, примеч. 3.

¹¹ Там же, карт. 58, ед. хр. 4 (От Данте до Тассо. № 116). — См. также выше, примеч. 3.

Аччайоли, тщательно выписанным, но весьма сомнительным по своей аутентичности.¹²

Все это подводит к мысли, что подделыватель был, должно быть, весьма сведущим человеком, частенько наведывавшимся в архивы. Возможно, он, приметив, что существует спрос на автографы XV века, и обратил на них свои усилия. Подделки этого подделывателя следует искать среди автографов святых, пап, кардиналов, членов фамилий Сфорца, Медичи, д'Эсте и, наконец, среди гуманистов и знаменитых ученых.

В Италии в настоящий момент проявляется необычайное движение в области разыскания автографов и торговли ими. Пособия для любителей появляются и поспешно раскупаются широкой публикой, журналы помещают описания коллекций, и, наконец, книготорговцы нередко наряду с торговлей книгами продают и автографы.

Этот оживленный интерес к автографам, исходящий отовсюду, позволяет мне надеяться, что найдутся ученые или любители, которые пожелают отозваться на мое обращение и сообщить, что им известно о подделках автографов «XV века» вообще и о подделывателе, о котором я поведал, в частности. Для блага любителей крайне важно окончательно составить четкое представление о размерах тех злонамеренных дел, кои он натворил.

Н. П. Лихачев и подделки (послесловие)

Приобретя на студенческой скамье вкус и рвение к источниковедческой работе,¹³ Николай Лихачев почувствовал вместе с этим и интерес к вопросам подлинности, который затем оттачивал в ходе насыщенной и трудолюбивой собирательской и исследовательской деятельности. Пытливый ученый и коллекционер, одаренный интуицией и талантом, располагавший достаточноными денежными средствами (которых тем не менее порой едва хватало для осуществления его широкой собирательской программы),¹⁴ Н. П. Лихачев скоро

¹² Там же, кол. 1, карт. 74, ед. хр. 23. — Лист бумаги без филиграней, тщательно обрезан. В коллекции есть также письмо Дзаноби Аччайоли к Роберто Строццо (Флоренция, 25 мая 1495 г.), написанное на бумаге с филигранью, поздней по отношению к дате (там же, карт. 70, ед. хр. 26 (От Данте до Тассо. № 1).

¹³ Источниковедческие склонности начинающего историка обнаружили уже в его первом научном опыте — курсовой работе, написанной на III курсе историко-филологического факультета Казанского университета (Лихачев Н. Четвертый крестовый поход и Латинская империя. Казань, 1883. С. XXII—XXIII. — Рукоп. автогр. Хранится в библиотеке ЛОИИ СССР АН СССР). «Меня манят архивы», — писал он в 1889 г. (Н. П. Лихачев — Н. В. Помяловскому, Казань, 21 января 1889 г. // ОР ГПБ, ф. 608 (И. В. Помяловского), № 957, л. 7 об.).

¹⁴ В переписке с московским букинистом-антикваром П. П. Шибановым, знакомым с начала 1880-х гг., прося отсрочить расчет за приобретения, он ссылается на обширные покупки рукописей за границей: «Очень за граница меня заела; шлю, шлю и все мало» (Н. П. Лихачев — П. П. Шибанову, б. д. // ОР ГБЛ, ф. 342 (П. П. Шибанова), карт. 27, ед. хр. 48, л. 11).

выработался в тонкого эксперта,¹⁵ овладевшего столь совершенным инструментарием, что мог с его помощью атрибутировать даже далекие от своих непосредственных занятий артефакты.¹⁶

Вопросы подлинности он принимал близко к сердцу до конца жизни, что подтверждают и сообщения соприкасавшихся с ним коллег,¹⁷ и его пометы на обложках дел с документами в архиве ЛОИИ, и собственные свидетельства, имеющие тем большее значение для нас, что по обстоятельствам времени Николай Петрович не смог завершить систематическую разборку своей коллекции.¹⁸

Определяющую роль в становлении Н. П. Лихачева как эксперта сыграли, по его собственному убеждению, работа в архивах и музеях Западной Европы и близкое общение с отечественными и зарубежными антикварами и коллекционерами рукописей. «Хотя я поехал в Европу уже доктором наук, — вспоминал он через 30 лет после первой поездки, — но начал изучать новые для меня области¹⁹ — музеи, архивы, историю средневекового искусства, историю доку-

---

¹⁵ Ограничимся двумя показательными примерами. В 1895 г. Н. П. Лихачев высказал сомнение в подлинности двух отечественных грамот XVI в. (*Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1—2. С. 60*), которое впоследствии полностью подтвердилось (см.: *Чаев Н. С. К вопросу о подделках исторических документов в XIX в. // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1933. № 6—7. С. 486—487*). Позднее, готовя альбом филиграней, он обнаружил «придворную» подделку — поддельный рапорт офицеров, охранявших в Шлиссельбурге Иоанна Антоновича (*Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1. С. СХСIII—СХIV*).

В нелегкие для него годы шестидесятилетней ученый был даже склонен «быть разжалованным в простые эксперты. Принес бы больше пользы» (Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову, Москва, 15 (2) января 1923 г. // ОР ГПБ, ф. 585 (С. Ф. Платонова), оп. 2, № 1179, л. 10 об.). В разъяснение этих слов добавлю, что Николай Петрович наряду с другими своими занятиями с 25 ноября 1922 г. (и до 1924 г.) состоял экспертом, затем уполномоченным российско-украинской делегации смешанных российско-украинско-польских реэвакуационной и специальной комиссий.

¹⁶ На заседании Ученого совета ЛОИИ СССР АН СССР 30 ноября 1982 г., посвященном 120-летию со дня рождения Н. П. Лихачева, И. М. Дьяконов, говоря о Н. П. Лихачеве и его коллекции древневосточной письменности, вспоминал, что не знавший клинописи Н. П. Лихачев мог отличать поддельные таблички. См. также: ЛО ААН, ф. 246 (Н. П. Лихачева), оп. 2, ед. хр. 136, л. 90.

¹⁷ Н. В. Измайлова — Е. Ч. Скржинской, 12 июня 1925 г. // Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., ф. 14, оп. 4, ед. хр. 136, л. 3—3 об.

¹⁸ «Многие автографы оставлены были без определения и не вложены в обложку. Происхождение многих известно только мне. В отделе подделок, над которыми я много работал, есть и подлинники, а среди подлинников — копии и сомнительные оригиналы. Я долго ведь изучал историю бумаги, чего не делали мои наследники, и по бумаге обличал тонких фальсификаторов, которые пользовались бумагой, которая была под рукой, и иногда путали на целое столетие» (Н. П. Лихачев — М. С. Майковой, Астрахань, 18 августа 1933 г. // ЛО ААН, ф. 738 (В. В. Майкова), оп. 4, ед. хр. 40, л. 5). Ср. также: Николай Лихачев. Собрательные автографы. Ленинград, 24 мая 1934 г. (рукоп., автог.) // ОР ГПБ, ф. 1033 (Э. О. Визель), ед. хр. 194, л. 1; см. также: *Свойский М. Л. Музей палеографии // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 214.*

¹⁹ «Я опять в Италии и опять безумствую. На ногах целый день — осматриваю все, что только возможно» (Н. П. Лихачев — И. В. Помяловскому, Фер-

мента. Многому пришлось учиться < . . . >.²⁰ В следующие поездки — последние годы XIX века — я уже горячо взялся за западноевропейскую дипломатику, получил навык и задал себе специальные задачи».²¹

В первой поездке он познакомился и сошелся с римским коллекционером Дарио Росси, обладателем «необычайного собрания документов и автографов», которое по его кончине приобрела венская фирма Гильхофер и Раншбург.²² «Этот факт был поворотным и для меня, — вспоминал Н. П. Лихачев. — < . . . > В течение ряда лет < . . . > я просматривал и добывал материал собраний Rossi у Gilhofer und Ranschburg в Вене, у которых всеми рукописями заведовал ученый — доктор Шварц < . . . > Изобилие подделок в собрании Rossi. Добросовестность Шварца < . . . > Но редчайший случай приобретения писем гуманистов представился именно в этом собрании».²³

С подделками из коллекции Д. Росси и связана публикуемая статья, написать которую побудил своего ученого клиента один из крупнейших европейских антикваров Ноэль Шаравэ. «От Noël Charavaу за долгие годы переписки и знакомства я приобрел очень, очень много. И по каталогам, и по предложениям из Парижа, большей частью просто с присылкой самих оригиналов. Также при личных свиданиях. Маленький кабинетик, уставленный полками с картонками (расположенный в два этажа на узенькой улице около уничтоженного знаменитого бенедиктинского аббатства Сэн-Жермэн-де-Прэ), мне очень памятен, и приятные воспоминания и волнения с ним связаны. Там находил я желанные звенья великой дипломатической выставки, о коей я мечтал. При личных свиданиях просматривал по каталогам, иногда давали, но частично посмотреть некоторые запасы — *dossiers*».²⁴ Потомственный торговец автографами и эксперт Шаравэ был сыном Жака-старшего и братом знаменитого Этьена, признанного «непогрешимым папой» в деле определения автографов.²⁵

рара, 21 июня 1896 г. // ОР ГПБ, ф. 608 (И. В. Помяловского), № 957, л. 21).

²⁰ На страницах изданного в год первой поездки в Европу «Пособия» А. Жири, одного из самых основательных пособий по западноевропейской дипломатике (*Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894*), сохранились пометы Н. П. Лихачева, свидетельствующие о внимательном и заинтересованном чтении.

²¹ *Лихачев Н. П.* На чем основаны мои права на воспоминания? : (Доклад на заседании Русского общества друзей книги в Московском Доме ученых 26 июня 1925 г.) // ЦГАЛИ, ф. 702 (М. С. Базыкина), оп. 1, ед. хр. 55, л. 3 об., 4. — Машинопись, правка чернилами. За указание на этот документ благодарю М. Д. Эльзона.

²² Там же, л. 3 об. — Письмо Д. Росси к Н. П. Лихачеву см.: ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 104.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 6. — Николай Петрович был знаком с Шаравэ с 1893 г., почти четверть века, и ему очень хотелось дожить до 1938 г., столетия существования фирмы (Черновик письма Н. П. Лихачева — Габриэль Шаравэ, Ленинград (?), после 1933 г. // ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, ед. хр. 32, л. 1 об.). В фонде Н. П. Лихачева счетов и писем от Шаравэ (последнее датировано 5 октября 1917 г.) больше, чем от любого другого зарубежного антиквара (там же, оп. 2, ед. хр. 130).

²⁵ *Eudel P. Le truquage. Paris, 1884. P. 287.*

В каталогах Шаравэ значилось: *L'authenticité des autographes est garantie* — фирма дорожила репутацией, поэтому-то Шаравэ не стал приобретать предложенную ему коллекцию Д. Росси и уступил ее венским антикварам, а своему петербургскому корреспонденту разъяснил: «Я некогда отказался приобрести коллекцию из-за обилия в ней сомнительных и поддельных документов» и посоветовал с крайней осторожностью приобретать документы, связанные с «великими итальянскими именами».²⁶

По свидетельству Н. П. Лихачева, «реномэ Шаравэу как экспертов стояло так высоко, что единственный раз, когда Шаравэу прислал мне поддельную папскую буллу, купленную для меня в Лондоне на аукционе и мною посланную обратно, Н. С. не промолчал, а написал подробное письмо: „Вы совершенно правы. Получив документы из Лондона, я их не пересмотрел, булла действительно подделана и больше не обманет никого, я ее бросил в огонь. Деньги записаны на Ваш счет“. Другой бы, конечно, отделался молчанием».²⁷ Неудивительно, что Н. П. Лихачев с уважением относился к Шаравэ, прибегал к его советам. В январе он послал ему на проверку два документа из коллекции Д. Росси, купленные в Вене, и получил скорый ответ: «Документ, подписанный Джованни де Медичи не выдерживает ни малейшей проверки, все это смешно, особенно печать».²⁸ Несколько лучше документ, подписанный Лоренцо Медичи, но и он не имеет никакого характера аутентичности, искусно состарен и загрязнен.²⁹ Всякий раз, как находится сомнительный документ этого времени, он непременно написан таким же письмом. Таков же, кстати, и почерк подложных писем Рафаэля. Если бы можно было сопоставить друг с другом документы этой серии, то их явственно близкое родство обнаружило бы их подложность».³⁰

Вслед за первыми двумя документами петербургский коллекционер, возможно, даже не дождавшись ответа, посылает на экспертизу в Париж еще три заподозренных им документа. Шаравэ не замедлил ответить: «Из трех итальянских документов два определенно поддельные (Сиджизмондо Эсте и Николаус), я вполне уверен в этом. Почерк документа, относящегося к Синджизмондо Эсте,³¹ — это же почерк подложных документов Рафаэля Санцио, почерк всех документов этого периода, имеющих подозрительную репутацию. Или все

---

²⁶ Н. Шаравэ — Н. П. Лихачеву, Париж, 21 января 1902 г. // Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 1, карт. 74, ед. хр. 93, л. 1 — Переписка велась на французском языке.

²⁷ Лихачев Н. П. На чем основаны мои права на воспоминания? Л. 5. — О своем уважении к высокому реноме фирмы Николай Петрович написал и в упомянутом выше (примеч. 24) черновике письма к Габриэль Шаравэ (было ли это письмо послано адресату — неизвестно).

²⁸ См. примеч. 8.

²⁹ См. примеч. 5.

³⁰ Н. Шаравэ — Н. П. Лихачеву, Париж, 21 января 1902 г. Л. 1.

³¹ Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 1, карт. 9, ед. хр. 16. — Документ датирован 12 июля 1476 г., запечатан накладной печатью «под бумажкой» с гербом Эсте и надписью: *Sigillum Sigismundi Este*. Бумага, на которой написан документ, имеет лишь часть филигрании «корона», не поддающуюся датировке.

современники писали совершенно одинаково, или же их начергал один писавший. Разве Вы не получали мое известие?

Легко допустить, что существуют виды письма эпохи, имеющие общие особенности, делающие их схожими, каковые, впрочем, служат для определения возраста документа < . . . > Сравните, таким образом, Ваши два документа, Сиджизмондо д'Эсте и Аччайоло, — они совсем не схожи. Помнится мне также, что по меньшей мере один из тех двух документов, которые Вы мне показывали ранее, похож на документ Сиджизмондо д'Эсте. Это тревожащие сходства.

Письмо Анджело Аччайоли упрекнуть не в чем.³² Но, чтобы обнаруживать подделку с первого взгляда, надо всесторонне изучить несколько тысяч аутентичных документов в архивах старинного итальянского города. А чтобы вслед за тем написать статью, я не чувствую себя на высоте задачи. Я охотно предостерегаю тех, кто питает доверие к моим добрым намерениям, но незаинтересованный ученый имел бы в этом деле больший авторитет, чем я.

А почему бы Вам не написать для *L'Amateur des autographes*, где и каким образом Вы приобрели поддельные документы. Как пришли к Вам сомнения? Как Вы распознали поддельность документов? И т. д.»³³

Однако Н. П. Лихачев те три документа, которым парижский антиквар отказал в подлинности, поддельными не считал и для себя отметил в любопытной и примечательной записке: «*Charavaу Noël*, напуганный подделками, думается, наврал с начала до конца: *Sigismundus d'Este* — простое канцелярское письмо (отнюдь не автограф), безусловно подлинно, но не автограф. Письмо *Acciaïolo* и *Nicolaus* тоже считаю подлинными. Я посылал их нарочно, чтобы проверить *Charavaу*».³⁴

Вопросы подлинности еще не раз возникали в отношениях петербургского собирателя и парижского антиквара. Особо интересен случай с хартией папы Александра IV, запомнившийся Н. П. Лихачеву, думается, не в последнюю очередь благодаря порядочности Шаравэ. Вот его письмо: «Получил также и возврат хартии Александра IV. Я, разумеется, заметил некоторые неправильности, особенно чернила не имели удовлетворительного вида, но за этот документ, происходящий из Отель-Дье в Байе, я был вполне спокоен. У него на оборотной стороне была помета более чем двухсотлетней давности. Подлог, таким образом, достаточен старинный. Документ был освидетельствован местными эрудитами, и никто не осорил его аутентичности. Теперь же он более не существует — я его кинул в огонь!».³⁵ Думается, что, будучи раскрыта двумя веками ранее, подделка и заслуживала бы уничтожения (как правило, так с поддельными докумен-

³² См. примеч. 12.

³³ Н. Шаравэ — Н. П. Лихачеву, Париж, 4 февраля 1902 г. // Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 1, карт. 28, ед. хр. 10, л. 1.

³⁴ Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 1, карт. 28, ед. хр. 10, л. 2.

³⁵ Н. Шаравэ — Н. П. Лихачеву, Париж, 19 марта 1904 г. // Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 41, карт. 637, ед. хр. 3, л. 2. — Как видим, в некоторых подробностях память подвела Н. П. Лихачева.

тами и поступали),³⁶ но Шаравэ делать этого не стоило — подделки целесообразно сохранять как «подлинные произведения искусства подделки» и как «образцы» и «шедевры искусства подделки» и по возможности выставлять.³⁷ Подделки заслуживают того, чтобы их тщательно собирали. Н. П. Лихачев прекрасно понимал это и так именовал и поступал.³⁸

Возвращаясь к февралю 1902 г., можно предполагать, что и несколько неожиданный исход обращения к знаниям и интуиции опытного антиквара, и его вполне мотивированный отказ писать об обсуждаемых подделках побудили Н. П. Лихачева взяться за перо и самому написать в издаваемое Шаравэ обозрение «Любитель автографов». Статья была написана по-французски (стиль автора виден и во французской речи)³⁹ и опубликована в номере от 15 апреля, а сам автор удостоился высшего отличия — его портрет занял место «между прочими портретами библиофилов и людей науки» в кабинете старейшины парижских антикваров Оноре Шампюна.⁴⁰

В статье Н. П. Лихачев не просто углядел подделки и обосновал их принадлежность одной серии и руке одного изготовителя, но и точно описал особенности его манеры и технику работы, высоко оценив и его мастерство, и уровень «профессиональных» знаний. Действительно, «по счастью, подделка рукописей, для того чтобы быть успешной, — пишет Л. Дойель, — требует такого редкого сочета-

³⁶ Достаточно двух примеров. На Реймском соборе 1131 г. папа Иннокентий II распорядился сжечь подложные документы, изготовленные неким Гверно (*Constable G. Forgery and plagiarism in the Middle Ages // Archiv für Diplomatik. 1983. Bd 29. S. 17*). В 1366 г. суд Серрской митрополии постановил уничтожить представленное истцом завещание как фальшивое, разрезав его на мелкие кусочки (*Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики: Частноправовой акт. Л., 1988. С. 220*).

³⁷ Первая международная выставка такого рода была устроена в 1955 г. в Париже (*L'exposition mondiale: Le faux dans l'art et dans l'histoire. Paris, 1955*). В 1988 г. на выставке под Парижем было представлено «одно из самых крупных собраний подделок в мире», содержащее «самые настоящие подделки» от живописи до коньячных бутылок (Шедевры искусства подделки // За рубежом. 1988. № 29).

³⁸ В статье Н. П. Лихачева не упомянуты приобретенное им позднее поддельное письмо Анджеоло Полициано к Дж. Медичи (Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., ф. 6, карт. 43, ед. хр. 21 (От Данте до Тассо. № 74)) и ряд других. Кроме итальянских в коллекцию приобретались и другие поддельные и сомнительные автографы: Франсуа Рабле (там же, кол. 41, карт. 637, ед. хр. 6), Марии Стюарт (кол. 18, карт. 386, ед. хр. 33), Марии Португальской (кол. 17, карт. 303, ед. хр. 1) и других. Нельзя не упомянуть и поддельные бумажные денежные знаки (см.: *Маршак М. Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Тр. Государственного Эрмитажа. 1986. Т. 26. С. 50—64*), поддельные высокого художественного достоинства доски-обкладки для счетов коммуны Сены (Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 46, карт. 639, ед. хр. 1, 2; см.: *Киселева Л. И. Заседание памяти О. А. Добиаш-Рождественской // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 324*).

³⁹ Десять лет живого общения с Европой много дали ему, еще за четыре года до первой поездки он признавался: «...писать по-французски я никогда не решусь, а понимать — понимаю все совершенно свободно» (Н. П. Лихачев — Х. Х. Гилю, 2 декабря 1888 г. // ОР ГПБ, ф. 904 (Х. Х. Гиля), ед. хр. 210, л. 4 об.).

⁴⁰ *Лихачев Н. П.* На чем основаны мои права на воспоминания? Л. 6 об.

ния способностей, что берутся за нее немногие»,⁴¹ и едва ли ошибается А. Перрюшо, утверждая, что «фальсификатору нужен талант».⁴² Очевидно, выявленный Н. П. Лихачевым подделыватель был из этих «немногих», однако, если и гордился содеянным, отнюдь не стремился обнародовать свое авторство. Недаром считается, что самое сильное побуждение для поддельщика — приблизиться к образцу настолько, чтобы ввести в заблуждение знатоков.⁴³

Однако, *veritas filia temporis*, и через несколько лет после опознания подделок обнаружилось и имя их создателя. На папке с подделками рукой Н. П. Лихачева написано: «Подделки. Работа Amati (обманули монсиньора Angiolini)». Написано, надо думать, не без удовлетворения, поскольку подтвердились все его предположения, в том числе и время создания подделок. Ныне, располагая достаточно подробным жизнеописанием Джироламо Аматти, «любителя рыться в старинных бумагах и собирать их»,⁴⁴ можно восстановить то живое представление о нем, которое составил себе Н. П. Лихачев.⁴⁵

Д. Аматти родился в 1820 г. в Савиньяно. Учился в Болонье, где серьезно заинтересовался историческими и архивными разысканиями. Перебравшись в 1845 г. в Рим, занялся там журналистской деятельностью и, вероятно, уже тогда выказал себя хорошим публицистом,⁴⁶ поскольку в 1847 г. стал личным секретарем первого министра папского правительства Пеллегрини Росси, причем его важнейшей обязанностью было писать за подписью П. Росси статьи в римский официоз «La Gazzetta di Roma». Последняя такая статья появилась в газете 14 ноября 1848 г., а через день П. Росси был убит — его политика не пользовалась популярностью. В феврале следующего года была провозглашена Римская республика, продержалась она недолго, но Д. Аматти все же провел некоторое время в замке св. Ангела по обвинению в антиреспубликанизме, неясно, на чем основанном. Дальнейшая его жизнь, вплоть до присоединения Рима к объединенной Италии, была, судя по всему, скудной: разборка архивов римских патрициальных семей и сотрудничество в «Archivio Storico Italiano» давали немного. После присоединения Рима он вновь получил возможность заниматься публицистической деятельностью, а также служить: одно время работал в библиотеке Казанатенсе,

⁴¹ Дойель Л. Завещанное временем: Поиски памятников письменности. М., 1980. С. 467.

⁴² Perruchot H. Des faux et des faussaires // Le Jardin des Arts. 1971. № 197. P. 29.

⁴³ См.: Constable G. Forgery and plagiarism in the Middle Ages. S. 2.

⁴⁴ Martini F. Confessioni e ricordi. XIV. Il Fanfulla // L'illustrazione Italiana. Milano, 1911. N 44. P. 460. — Цит. по: Frati C. Dizionario biobibliografico dei bibliotecari e bibliofili italiani dal secolo XIV al XIX. Firenze, 1933. P. 22.

⁴⁵ Petrucci A. Amati Girolamo // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1960. T. 2. P. 675—676.

⁴⁶ Некоторые свои статьи Д. Аматти подписывал псевдонимом *Momus*, и под таким же именем в 1451 г. Леон Баттиста Альберти в своем сочинении «*Момус или о государе*» вывел того самого Бартоломео Фачьо, которого Д. Аматти сделал адресатом одного из поддельных писем (см. примеч. 9). Как тут не удивиться!

а также был чиновником в Министерстве внутренних дел. Некоторая материальная обеспеченность позволила ему предпринять широкие разыскания в публичных и частных римских архивах. Но уже в 1891 г. он вновь оказался без средств и попросился в богадельню св. Миканла. Умер Д. Амати в 1905 г., его архив, вероятно, весьма значительный, не сохранился.

Но была и другая сторона в жизни римского публициста с репутацией антиклерикала и умеренного либерала, эрудита и хорошо владевшего пером писателя, хотя и чрезмерно рьяного тосканиста и языкового пуриста, усердного исследователя архивов. Известно, что в 70—80-е гг. он деятельно приторговывал важными историческими документами, как вынесенными им из тех архивов, где он работал, так и искусно им подделанными. К числу последних относятся документы, представляющие деятельность известных художников и гуманистов. Обнаружилось это после его смерти и, видимо, вскоре стало известно всему миру европейских антикваров и собирателей автографов, с которыми Н. П. Лихачев состоял в тесных сношениях.

Фальсификатор был выявлен, посмертно разоблачен и назван по имени. Но можно ли считать, что размеры им содеянного вполне ясны и все его «произведения» ныне зовутся подделками? Вопрос вполне правомерен и ни в коей мере не утратил актуальности. Да и Д. Амати был лишь одним из многих «немногих» искусных поддельщиков своего века — девятнадцатого, о котором Ш. Сент-Бев отозвался с краткостью вердикта: «Последнее слово в искусстве у усматриваю в подделке».⁴⁷ Заключение французского литератора и критика верно не только применительно к искусству — «по всей Европе как бы звучала мощная симфония подделок», по выражению Марка Блока⁴⁸ (равно как и в Новом Свете).⁴⁹

Размах появившихся в XIX в. подделок был настолько велик, причины столь глубоки, а мотивы столь разнообразны, что в кратком послесловии нет возможности даже вскользь коснуться этой интереснейшей темы, хотя и известных примеров немало, и литература многочисленна. Существующая литература, однако, отнюдь не исчерпала — если это вообще возможно — всего «богатства» содеянного [фальсификаторами, и этот безусловно актуальный предмет продолжает живо интересовать историков, литературоведов, искусствоведов].⁵⁰

Разумеется, не менее живо этот предмет интересует и коллекционеров, затрагивает их более непосредственно. Неудивительно, что публикация статьи Н. П. Лихачева о подделках автографов не

⁴⁷ Цит. по: *Eudel P. Le truquage*. P. 4.

⁴⁸ *Блок М.* Апология истории. 2-е изд. М., 1986. С. 55; см. также: *Пауэль Э.* Поддельная богиня: (история подделок произведений античного искусства). М., 1982. С. 7, 52, 66, 75, 89, 120.

⁴⁹ *Lucey W. L. History: Methods and Interpretations*. 2nd ed. Chicago, 1958. P. 46—69.

⁵⁰ *Fälschungen im Mittelalter. Internationaler Kongress der Monumenta Germaniae Historica. München. 16—19. Sept. 1986. Hannover, 1988. Bd 1—5.*

прошла мимо внимания коллекционеров и имела одно несколько неожиданное следствие — знакомство автора с Анри де Ротшильдом, сыном и наследником знаменитого французского библиофила Дж.-Э. де Ротшильда, владельцем значительного собрания рукописей и автографов.⁵¹ Банкир-коллекционер владел изрядным пакетом писем итальянских гуманистов и, желая удостовериться в их подлинности, обратился к русскому ученому-коллекционеру, автору статьи о подделках, чей портрет украшал стены кабинета О. Шампиона. Николай Петрович побывал у Ротшильда и по внимательном просмотре нашел все показанные ему письма подлинными.⁵²

---

⁵¹ *Picot E.* Catalogue des livres composants la Bibliothèque de feu M. le Baron James de Rothschild. 5 vols. Paris, 1884—1920; *Gaucheron R.* Lettres autographes et manuscrits de la collection Henri de Rothschild. Vol. 1. Moyen Age—XVIe siècle. Paris, 1924; *Kristeller P. O.* Iter Italicum. Vol. 3. Alia itinera. London; Leiden, 1983. Т. I. P. 328—331.

⁵² *Лухачев Н. П.* На чем основаны мои права на воспоминания? Л. 9—9 об.